

Калугина Валерия Александровна

студентка

Научный руководитель

Карапкова Олеся Григорьевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный

педагогический университет»

г. Армавир, Краснодарский край

ЕКАТЕРИНА II: ПРОСВЕЩЁННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ НА РОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ

Аннотация: в статье рассматривается политика Екатерины II сквозь призму концепции просвещённого абсолютизма. Анализируется противоречие между философскими идеалами Просвещения, активно декларируемыми императрицей, и социально-экономическими реалиями крепостнической России. Особое внимание уделяется специфике адаптации западноевропейских идей на русской почве, где союз монархии с дворянством и институциональное оформление рабства большинства населения вошли в неразрешимый конфликт с теорией естественного права. Автор приходит к выводу, что российская модель просвещённого абсолютизма носила преимущественно декоративно-манипулятивный характер, укрепив сословный строй и заложив мину замедленного действия под саму идею легитимности самодержавия.

Ключевые слова: Екатерина II, просвещённый абсолютизм, легитимация власти, Уложенная комиссия, Наказ, секуляризация, крепостное право, дворянство, Вольтер, Монтескьё.

Эпоха Екатерины II традиционно именуется историками «золотым веком» русского дворянства и периодом просвещённого абсолютизма. Однако применение термина «просвещённый» к российской действительности второй половины XVIII века требует серьезных оговорок. То, что в Европе было попыткой модернизации феодальных структур под влиянием рационалистической философии, в

России обернулось грандиозным экспериментом по наложению либеральной риторики на архаичную, по сути восточно-деспотическую, систему управления, фундаментом которой являлось крепостное право. Цель данной работы – проанализировать, каким образом доктрина просвещённого абсолютизма преломилась в условиях российской самодержавной традиции и почему союз «философа на троне» с просветителями оказался тактическим и недолговечным.

Начать следует с того, что само восшествие Екатерины на престол было актом, диаметрально противоположным просветительским идеалам законности. Узурпировав власть путем переворота и физического устранения законного императора Петра III, она остро нуждалась в легитимации своего правления как внутри страны, так и в глазах образованной Европы. Идеология Просвещения стала для неё тем инструментом, с помощью которого можно было задрапировать неприглядную реальность захвата трона. Екатерина развернула беспрецедентную по масштабам кампанию самопрезентации: она состояла в переписке с Вольтером, Дидро, д'Аламбером, приглашала их в Россию, покупала библиотеки и коллекции искусства. Это был продуманный пиар-ход. Императрица создавала образ мудрой законодательницы, заботящейся о «благе народном», что выгодно отличало её на фоне череды дворцовых переворотов. Как писал В. О. Ключевский, Екатерина совершила «двойной захват»: отняв власть у мужа, она не передала её сыну, естественному наследнику, и всю жизнь испытывала страх перед возмездием, что толкало её на заигрывание с общественным мнением.

Квинтэссенцией политики просвещённого абсолютизма на русской почве стал созыв Уложенной комиссии 1767 года и написание знаменитого «Наказа». Этот документ, представлявший собой компиляцию из трудов Монтескьё («О духе законов») и Беккариа («О преступлениях и наказаниях»), поражал смелостью формулировок. Екатерина провозглашала, что «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам», осуждала пытки и ратовала за предупреждение преступлений, а не за жестокость наказаний. Однако именно здесь и проявилась трагическая развилка между словом и

делом. Анализируя текст «Наказа», легко заметить механизм «русской цензуры»: все радикальные выводы Монтескьё были либо выхолощены, либо доведены до противоположности. Там, где французский философ говорил о свободе как основе государственности, Екатерина заменяла это понятие «безопасностью» и «спокойствием духа», проистекающими из подчинения монарху. Она создала уникальную политико-правовую химеру: самодержавие объявлялось единственно возможной формой правления для России ввиду огромности территории, но это самодержавие должно было руководствоваться «просвещенными» законами. На деле это означало, что закон оставался не ограничением власти монарха, а лишь её функцией.

Особенно ярко лицемерие режима проявилось в крестьянском вопросе. В первоначальной редакции «Наказа» содержались осторожные намеки на необходимость облегчения участи крепостных и даже на освобождение их от рабства. Однако после обсуждения в узком кругу приближенных-дворян эти пункты были радикально вырезаны или смягчены. Вместо отмены рабства Екатерина ввела его в тех регионах, где оно ранее отсутствовало (например, на Украине), щедро раздаривая «души» своим фаворитам. Именно в её правление крепостное право достигло своего апогея, превратившись из условной обязанности служилого сословия в фактически классическое рабство, где помещик получил право ссылать крестьян на каторгу без суда, а крестьянам было запрещено жаловаться на господ. Эта жестокая реальность стояла за фасадом переписки с Вольтером, которому императрица хвасталась, что в её государстве «нет мужика, который бы не имел курицы на столе», в то время как страну сотрясали пугачёвский бунт и десятки локальных восстаний. Просвещённый абсолютизм в России оказался политикой, проводимой исключительно в интересах дворянства – той самой социальной базы, которая возвела Екатерину на трон и могла её свергнуть.

Ещё одним характерным примером адаптации западных идей к русской почве стала секуляризация церковных земель. С рациональной, просветительской точки зрения, передача монастырских вотчин в ведение Коллегии экономии была шагом прогрессивным: государство ослабляло экономическую мощь

церкви, превращая духовенство в чиновников на жалованье. Однако мотивация Екатерины была далека от атеизма Вольтера. В этом акте проявился сугубо прагматичный, имперский подход: требовалось пополнить казну и лишить церковь политической субъектности, вписав её в вертикаль самодержавной власти. Православие оставалось идеологической скрепой, но как институт церковь была полностью подчинена государству, что соответствовало петровской традиции полицейского государства, но никак не принципам свободы совести.

Почему же просвещённый абсолютизм на русской почве потерпел крах, будучи при этом признан современниками блестящим царствованием? Ответ кроется в природе российской модернизации. На Западе просвещённый абсолютизм был попыткой реформировать общество сверху под давлением крепнувшего «третьего сословия», буржуазии, которая требовала правовых гарантий и либерализации. В России же буржуазия практически отсутствовала, а образованный класс был представлен почти исключительно дворянством, которое видело в западных идеях лишь моду, а не руководство к действию, особенно когда дело касалось собственности на людей. Екатерина, будучи тонким политиком, прекрасно понимала расстановку сил. Она могла сколько угодно восхищаться теорией разделения властей Монтескьё, но реальную власть она оставляла за бюрократией и помещиками на местах. «Жалованная грамота дворянству» 1785 года стала юридическим оформлением этой сделки: дворянство получило неотъемлемые привилегии, включая монополию на владение крестьянами и свободу от обязательной службы, а в обмен гарантировало лояльность престолу. В этом смысле Екатерина не столько «просвещала» абсолютизм, сколько консервировала феодальные отношения, придавая им пристойную юридическую форму.

Внешнеполитическая риторика императрицы также функционировала по законам просвещённой демагогии. Греческий проект Екатерины – восстановление Византийской империи под протекторатом России – подавался как освобождение единоверцев от османского ига и восстановление попорченной исторической справедливости. На деле это было классическое империалистическое расширение, прикрытое филантропической фразеологией. То же самое касается разделов Речи

Посполитой: возвращение «отторгнутых» белорусских и украинских земель оправдывалось необходимостью установления порядка и законности в анархической шляхетской республике. Таким образом, просветительская риторика служила инструментом легитимации территориальной экспансии и подавления национально-освободительных движений (например, Барской конфедерации и восстания Костюшко), которые, по иронии судьбы, сами руководствовались прогрессивными лозунгами.

Подводя итог, следует сказать, что просвещённый абсолютизм Екатерины II был сложным, двойственным феноменом. С одной стороны, нельзя отрицать значительный импульс, полученный культурой и образованием: создание Смольного института, открытие Вольного экономического общества, попытки создать «новую породу людей» через воспитание – все это несло в себе зерно просветительского утопизма. Однако, с другой стороны, в социально-политической сфере это был курс на укрепление сословной диктатуры дворянства и превращение крепостного права в фундамент империи. Екатерининский «просвещённый абсолютизм» стал вершиной двоеверия русского самодержавия: говорить на языке Локка и Руссо, а управлять методами Бирона и помещика Салтычихи. Трагический парадокс заключался в том, что, подарив дворянству свободу, императрица окончательно лишила её миллионы крестьян. Эта пропасть между европеизированными верхами и закрепощёнными низами станет главной неврастенической точкой российской истории XIX века и приведет к краху самой монархии, которую Екатерина так стремилась укрепить.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Исторические портреты / В.О. Ключевский. – М.: Правда, 1990. – 460 с.
2. Павленко Н.И. Екатерина Великая / Н.И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 310 с. EDN QPDJUB
3. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века / А.Б. Каменский. – М.: РГГУ, 1999. – 380 с.

4. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России / О.А. Омельченко. – М.: Юрист, 1993. – 330 с.
5. Труайя А. Екатерина Великая / А. Труайя. – М.: Эксмо, 2004. – 500 с.